

БК 83.3 (5Кит)
П-78

П-78 **Проблемы литературы Дальнего Востока.** VII Международная научная конференция. 29 июня — 3 июля 2016 г.: Сборник материалов / Отв. ред. А. А. Родионов, А. Г. Сторожук, Цянь Чжэньган. — СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2016. — Т. 1. — 560 с.

Issues of Far Eastern Literatures. Papers of the 7th International Conference. June 29 — July 3, 2016 / Ed. by A. A. Rodionov, A. G. Storozhuk, Qian Zhengang. St. Petersburg: NP-PRINT, 2016. — Vol. 1. — 560 p.

83.3 (5Кит)
П-78

В сборнике материалов представлены тексты докладов участников VII Международной научной конференции «Проблемы литературы Дальнего Востока», посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося китайского литератора Мао Дуня (1896–1981). Доклады охватывают широкий спектр вопросов, связанных с изучением современных и классических литератур стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

ISBN 978-5-91542-306-9 (т. 1)
ISBN 978-5-91542-305-2

© Авторы сборника, 2016
© СПбГУ, 2016

СЕКЦИЯ 1 • PANEL 1

МАО ДУНЬ И ЕГО ВКЛАД В КИТАЙСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ
MAO DUN AND HIS CONTRIBUTION TO CHINESE LITERATURE

Cui Guoxin (Capital Normal University, China)
The Power of Belief — the Inspiration of the Translation Theory of Mao Dun in the Period of May 4th Movement

This paper introduces the main translating activities of Mao Dun in the period of May 4th Movement. Through introducing the ideological inspiration of Russian literature and Russian writer to Mao Dun, it explores the development of the revolutionary ideas and the establishment of the translation theory of Mao Dun in the period of May 4th Movement, and discusses the inspiration of the translation theory of Mao Dun for contemporary translators. The theory proposed by Mao Dun that translators should highly fit the author mentally, deeply appreciating the thoughts and feelings of the author in the creative process by their language knowledge and translating it by using proper language fitting the original style through their own feelings, letting the reader inspired and feel the feelings of creatives like reading the originals has important inspiration to contemporary translators.
Key words: the period of May 4th Movement; Russian literature; the translation theory of Mao Dun.

崔国鑫 (首都师范大学, 中国)

信仰的力量——茅盾五四时期翻译观的启示

关键词: 五四时期 俄国文学 茅盾翻译观

картины. Основой для «Любования лотосами» послужила 22-я картина, но к ней добавили еще вымышленный эпизод обмахивания Цай Боцзе старой служанкой веером: когда служанка создавала герою прохладу, он вспомнил о невозможности ухаживать зародителями и стал испытывать тяжелые психологические мучения, излитые им в ариях.

Более детальной переработке подверглась 26-я картина «Пипа цзи» в спектакле «Избегание хромого в палатах Нью». В оригинальном источнике хромой жулик один. В хунаньском спектакле их двое и ко всему у них есть имена. Хромой проходимец по имени Ли Цайтянь вознамерился украсть у Цай Боцзе серебро. Он написал поддельное письмо от родителей и направился в палаты Нью. По дороге ему встречается другой хромой пройдоха Хэ Цышоу. Ли подговаривает его на авантюру, обьявляет себя чиновником просит их передать родителям триста слитков серебра. Причем Ли Цайтянь фальшивых слитков серебра, чтобы в случае отпадения, отдать бандитам эти деньги. Когда оба жулика покинули палаты Нью, Ли попросил напарника присмотреть за тремястами слитков «серебра», а сам с настыльщиками денгами скрылся.

Литература

1. 川剧词典, 胡度, 刘兴明, 北京, 1987.
2. 郭汉城、谭志湘, 越剧琵琶记 // 戏文, 1998年 06期.
3. 戴不凡, 论古典名剧琵琶记. 北京, 1957.
4. 蓝凡, 高则诚和琵琶记 // 五名剧评述. 上海, 1997.
5. 王永炳, 琵琶记研究. 北京, 1994.
6. 徐渭, 南词叙录·宋元旧篇 // 中国古典戏曲论著集成, 1-10册. 北京, 1959. 册3.
7. 赵景深, 谈琵琶记, 戏剧报, № 8, 北京, 1956.

Mironova Tatiana (SPbSU, Russia) The Theme of Suicide in the Collection of Stories “Taiping Guangji”

The article is devoted to the representation of suicide in one of the most interesting anthology of stories “Taiping guangji” compiled first in X century by the group of scholars with Li Fang as the head of the group. The theme of suicide is widely introduced in Chinese literature, however little is known about the specifics of it: what suicide means to the Chinese, what is their

attitude towards it, if there are outstanding points of the plot, that make it unique, how it can be classified etc. The article is illustrated by different stories from “Taiping guangji”, which are closely connected with the theme of suicide. The article can be useful for those, who are interested in thanatology, Chinese literature and Chinese culture.

Key words: suicide, death, Taiping Guangji, Li Fang, short stories.

Миронова Т. С. (СПбГУ, Россия)

Тема самоубийства в сборнике рассказов «Тайпин гуанцзи»

Ключевые слова: самоубийство, суицид, смерть, Тайпин гуанцзи, Ли Фан, рассказы.

Во многих научных сферах существует определенный круг исследуемых тем, которые принято считать основополагающими. Таковыми, например, являются темы любви, природы, общества, жизни. Не последнее место в этом списке занимает тема смерти, к которой все вновь и вновь обращаются философы, филологи, литературоведы, этнографы и другие ученые в самых разных областях. В науке в целом заметен положительный сдвиг от табуированного характера исследованной феномена смерти к расширенному спектру сфер познания, которые его затрагивают. Разностороннему изучению смерти полностью посвящена относительно молодая наука — танатология. Ее междисциплинарный характер позволяет ученым исследовать широкий спектр проблем, связанных с феноменом смерти, включая моральные мотивы и сюжеты в литературе.

Литература является зеркалом, которое отражает идейные веяния в обществе или мировоззренческие установки, либо сама задает их. Именно поэтому исследование темы суицида — одного из самых спорных и непростых мотивов в литературе, — может дать ключ к более полному пониманию восприятия мира, жизни и смерти китайским народом.

Китайская классическая литература изобилует мотивами смерти и самоубийства. Одним из наиболее интересных сборников является антология рассказов «Тайпин гуанцзи», оригинал которой составлен во времена Сун группой ученых, во главе которых стоял Ли Фан (李昉). Данный сборник переиздавался в XII веке, а также множественное количество раз в период правления династий Мин и Цин. Он содержит 500 повестей, разделенных по тематическим разделам: «Святые», «Изобретатели», «О духах», «О магах» и т. д.

Сюжеты, затрагивающие тему самоубийства, в сборнике «Тайпин гуанцзи» можно условно разделить на следующие категории:

- о божествах и святых, при мирской жизни совершивших суицид;
- о духах Гуй, образовавшихся в результате суицида;
- о суициде в аспекте морали, чести и достоинства;
- о сверхъестественных явлениях, связанных с суицидом.

Повествований о самоубийцах, которые впоследствии стали почитаемыми в китайской традиционной культуре божествами, насчитывается не очень много. Самоубийство всегда понималось как поступок исключительный, как крайняя мера решения каких-то проблем. Поэтому не менее исключительными являются сюжеты о божествах, которые при своей мирской жизни совершили суицид. Они представляли собой легенду, в которой обычно отсутствует нравственная оценка самоубийства. Один из таких сюжетов, вошедших в сборник «Тайпин гуанцзи» — история о самоубийстве У Цзысюя, который в китайских источниках выступает и как реально существовавшая личность, и как почитаемое божество. Сюжет имеет несколько вариаций, и та, которая описывается в «Тайпин гуанцзи», является более поздней. В некоторых локальных культурах в Цзысюй контаминируется с божеством Шуй сянъ цзунъ ван (水仙尊王), одним из духов моря. Именно об У Цзысюе как божестве водной стихии и том, как он покончил с собой повествуется в «Тайпин гуанцзи»:

У Цзысюй часто уезжал уского Ваня, уский Ван подарил ему меч шулюй, чтобы тот убил себя. Перед смертью У Цзысюй написал своим детям: "Повесьте мою голову на кожаные ворота, чтобы я видел, как придут войска юэ. [Возьмите] кожу сома и оберните мой труп, бросьте меня в реку, и я на короткое время воспользуюсь приливом и буду наблюдать за поражением У-вана.

После наставлений он совершил самоубийство, однако потом являлся в то же место в виде духа:

<...> Прибой бушевал на несколько сотен чи в высоту, когда войска юэ вошли в рыбное угодье на реке Цянътан, только тогда он постепенно успокоился. Утром и вечером вновь был прибой, его шум был сотрясающим и яростным, молнии ударили на более чем сотню ли. В то время был кто-то, кто увидел, как У Цзысюй верхом на белой колеснице с белыми лошадьми плыл на гребне прибоа, поэтому [в том месте] установили храм, чтобы молиться ему. В городе в Лойчжоу на берегу реки Фэйхэ так и стоит храм У Цзысюя [1. — цзюань 291, шэнь, глава 1].

Подобные У Цзысюю персонажи стоят особняком наряду с другими самоубийцами, их случаи своеобразны и исключительны. Они не прерадаются в злых духов Гуй, как это обычно происходит в понимании китайцев с душами

людей, которые свели счеты с жизнью. Считается, что их существование после смерти в виде духа шэнь (神), бессмертного сань (仙) или другой сверхъестественной сущности, наделенной определенными способностями даровать счастье, удачу, благо, здоровье и т. д. или защищающей от злых духов и ненастий при условии выполнения определенных ритуалов и чтения молитв, обусловлено деяниями, которые они совершали при жизни (реальной или мифической), и тем, насколько благой являлась цель совершения самоубийства и какова доля вины самого человека в этой ситуации.

Поскольку утопление являлось в Китае одним из наиболее распространенных способов самоубийства, виду его доступности, а также, что более специфично, ответственности представителям китайцев о том, что целостность физической оболочки непосредственно будет соответствовать форме духа в загробном мире, то в китайских верованиях встречается большое количество духов вод, появившихся в результате суицида.

Одним из наиболее известных духов вод является фея реки Лю, дух дочери Ми-фэй мифического императора Фу-си, которая, по одной из версий, привеленной в сборнике «Тайпин гуанцзи», утопилась в реке близ Люна.

Еще один святой по имени Чжан Хуайу упоминается в «Тайпин гуанцзи» в главе «Святые». Однажды он является в виде ожившего рисунка на стене даосской Тайсюю и рассказывает о том, что за его благодарные поступки его возвели в ранг святых в монастыре Лушань. Тайсюй был потрясен видением и долго не мог забыть Чжан Хуайу. Он рассказал о святом другому монаху Шэнь Биню, который позже узнал всю историю Чжана Хуайу от генерала Сюя.

Сюй сказал: «Хуайу был помощником генерала в Цай и служил у меня помощником министра. В год правления Цзячэнь был великий голод, слышали, что у Юй Чжана был хороший урожай. Тогда Хуайу с другими генералами каждый сам по себе помчались с армией к Юй Чжану искать пропитание. По дороге две армии постепенно стали враждовать, к пятому рассвету, маленький разлад стал большим [конфликтом]. В назначенный день генералы стали решать спор оружием, невозможно было остановить их. Хуайу тогда взял в руки меч, возвратился на башню Сюй, вскарабкался по лестнице и сказал своим последователям: „Наши с вами сегодняшние действия не были по плану, все это для того, чтобы спасти жизни [людей] и только. Разве же можно не сдерживать маленькое нездоровье и друг на друга идти с боем? Если уж бороться, то непременно сильнейшим, слабый погибает. Если так, то почему же возвращаясь на свою родину, мы должны погибнуть по дороге? Обе армии воюют, это из-за меня, Хуайу. Сейчас ради вас я убью себя и две армии объединятся в одну. Не скорейте“. После того убил себя, и воины двух армий принесли у здания и горько заплакали. После этого друг с другом

были в мире, и когда дошли до Юй Чжана, не было никого, кто сбегал бы». Сюй, однако, скупил по Хуайю, и не знал о том, что он стал святым [1. — цзюань 313, шэнь, глава 23].

Как и в случае с У Цзяньсюем, самоубийство ради долга, совершенное с благими намерениями, стало поводом для наряды Чжан Хуайю и возведения его в ранг святых.

Наиболее многочисленный пласт представляют сюжеты о появлении в результате самоубийства непокоенных духов Гуй, которые вечно скитаются в мире живых по решению заградного суда. Некоторые из них предстают в фольклоре в виде негативных персонажей, которые нороят навредить живым людям, вплоть до похищения души человека; другие же описываются как безобидные, иногда помогающие живым.

● Чжан Цюяло, героиня одного из рассказов «Тайпин гуанцзи» — непокоенная душа девушки, которая пережила смерть своих родителей и брата, оставшаяся в бедности, отправилась на поиски своей тетушки в Лоян, где ей повстречался пьяный сын чиновника, заведушшего торговлей, Ван Вэй. Он стал оскорблять ее и угрожать ей. Она покончила с собой и явилась во сне одному путнику:

«<...> Я знала, что не избежать [позора], поэтому платком обвила шею и убила себя» — рассказала она ему. Дух девушки привязался к мужчине и всюду следовал за ним. Однажды его друг, который обладал определенными магическими способностями, почувствовал присутствие духа и предложил избавиться от него. Они стали проводить ритуал, в ходе которого нужно было кинуть бумагу и кисть в огонь. Бумага не сгорела, на ней возникли стихи о своей торестной судьбе, которые сочинил дух девушки. Среди них были следующие строки:

*«Ах, страдания закончили мою душу, и не выразить это словами.
Ах, разрываются на части мои внутренности, кому же мне на это пожаловаться? Весной родятся мириады вещей, но я не появлюсь на свет, тем более печалью, что не встречу свою душу хунь»* [1. — цзюань 341, гуй, глава 26].

В данном сюжете скитания духа девушки в мире живых являются наказанием за совершенное самоубийство. Это один из редких случаев, когда бедственное положение и запятнанная честь не оправдывают совершения суицида. Интересными также являются стихи девушки. Среди синологов, а также в научно-популярной литературе о Китае, встречается точка зрения о том, что духи Гуй не осознают факта своей смерти, однако из приведенного выше сюжета очевидно, что дух девушки понимает свое состояние и торюет о том, что ей более не стать единым целым, так как души хунь отделались от нее.

В «Тайпин гуан цзи» рассказывается одна из историй, в которой демон навязывает суицидальные мысли верующей женщине:

«В начале годов правления под девизом Юнчунь (Тан) в Тунчжоу был чиновник сызун I по имени Юань Суй, его мать целыми днями молилась в храме, внезапно увидела из-за ширмы, как маленький человек верхом на маленькой лошади въехал к ним, он был ростом в 2–3 чи, и лошадь была соответствующая, на них были доспехи и конская броня, которая сверкала на солнце. Внутри двора человек объехал все по периметру, прошло много времени, и он исчез. После этого случая матери постоянно хотелось покончить с собой, вся семья ее оберегала от этого, так за много лет она понемногу разленилась. [Однажды], когда мать готовилась ко сну, она положила в кровать вместо себя одежду и ушла. Прислуга почувствовала, что ее нет, люди разделились [на группы] и пошли искать [ее], узнали, что она бросилась в колодезь, но ее не смогли вытащить оттуда, в конце концов она умерла» [1. — цзюань 361, югуай, глава 3].

Иная оценка и восприятие суицида дается в сюжетах, где затрагиваются проблемы морали, чести и достоинства. Истории о военачальниках, чиновниках, гунах, благопристойных женщинах, непорочных девушках, совершивших самоубийство, занимают значимое место в китайской литературе. В «Тайпин гуанцзи» абсолютное большинство историй, в которых затрагиваются самоубийства, являются нравоучительными и обычно не содержат сведений о сверхъестественных сущностях, которые являются обязательными элементами «необычайного» и «иррационального» в них все же присутствуют. В подобных повествованиях нередко фигурируют гадалки и маги, которые отговаривают человека совершить самоубийство, поскольку считалось, что самоубийство того, кто наделен властью, данной Небом, может навлечь беды на страну. Однако все так же необходимо помнить, что репутация человека, совершившего самоубийство и ситуация в которой ему пришлось пойти на этот шаг являются немаловажными факторами, которые определяли особенности восприятия китайцами каждого конкретного случая. В разделе «О магах» есть один из таких сюжетов:

*«Совершенномудрый Чжао гадил и предсказывал разные бедствия.
Был генерал Ван Хуэй, который был по характеру самонадеянный*

¹ 司功 — во времена династии Тан — смотритель культа и образования. (Опанин И. А. Большой русско-китайский словарь. — М.: Наука, 1983.) Чиновник, управляющий делами, связанными с похоронными ритуалами, экзаменами, ритуальной музыкой, культурой и пр.

и грубой. И задумался он убить кого-то. Чжао прознал об этом и сказал ему, что у него за пазухой нож, и он собирается в тайне убить кого-то, и посоветовал ему этого не делать, иначе навлечет бедствия на страну. Тот испугался, заплакал и признался, что хотел убить ребенка, а потом совершить самоубийство, но встретил Чжао, поэтому послушает его и не сделает так. И Ван Хуэ быстро выяснил до начальника области, а потом до издателя в Цзиньжоу. И умер он от старости» [1. — цзюань 80, фанши, глава 5].

Другой талантливый человек, министр Вэй, по имени Юаньчжу, однажды встретился с гадателем по лицу, который рассказал ему следующее:

«Древние говорили, что подобное притягивается к подобному, вы верите этому? Положение Ваше, Вэй-гун, намного выше чиновничьево, Вы имеете хорошую репутацию. Намерения у Вас искренние, Вы прямой и не уклончивый, потому неизбежно станете выдающимся мужем в государстве, и будете служить первыми министрам. Знатный-то Вы знатный, но в судьбе Вашей много неблагоприятных вещей, время от времени тревожитесь Вы, но это все дела прошлой службы, не стоит о них волноваться». Тогда Вэй Юаньчжу спросил, сколько ему осталось служить и где. Гадатель предрек ему следующее: «В этом году если понадобится прошение императору, жасование тут же будет. После того, как перестанете быть министром, отправитесь в инспекционную поездку в Цзиньчао, в конце концов, ранг и получите».

Судьба его стала складываться иначе, чем сказал ему гадатель. Однажды он случайно задел очень влиятельного человека, за что попал под суд и был заточен в тюрьму.

Много раз хотел признать вину и покончить с собой, но каждый раз вспоминал слова гадателя и вновь себя усмирлял. Но все больше и больше он пристрасно говорил о делах, никогда не покорялся своим желаниям и сдерживал свои речи. В итоге списал от беды и стал первым министром. [1. — цзюань 221, сян, глава 1]

Очевидны различия между сюжетами, повествующими о женском и мужском суициде в «Гайпин гуанцзи». Если принять во внимание положение и роль женщины в традиционной культуре Китая, очевидно, что мотивы самоубийства у них будут иными, чем у мужчин. Разное участие в общественной жизни и разные предписания о нормах поведения обуславливали разные для двух полов рамки понятый долга, чести и достоинства. Мотивом совершения само-

убийства у женщин чаще служил позор бесчестия перед семьей и обществом, неразделенная любовь или измена мужа. Приведенный выше пример о Чжан Цюнло, которую оскорбил пьяный сын чиновника, наглядно иллюстрирует данные особенности женского суицида в традиционной культуре Китая.

Героиня рассказа «Женщина из Чжаньлу» столкнулась со странной ситуацией. Когда она стирала одежду под горой, все заткнул белый туман, который обволакивал ее тело. От тумана она забеременела и со стыда решила покончить с собой. Перед смертью, сказала своей служанке: «После того как я умру, вопори мой живот и посмотри, что в нем». Служанка сделала так ей велели, после самоубийства хозяйки достала из живота детенышей дракона, отпустила их в реку Ханьшуй. Вскоре женщину захоронили в горе, и после этого несколько драконов прилетели туда и перед ее могилкой образовали торту [1. — цзюань 418, лун, глава 1]. Несмотря на нестандартность ситуации в которой оказалась женщина, причина ее самоубийства четко обозначена в самом тексте. Она не смогла бы перенести позора, который бы преследовал ее в обществе, и потому решила покончить с собой.

Что касается самоубийств, совершенных мужчинами, то наиболее часто встречаются мотивы суицида в связи с невозможностью продвижения по службе, опасностью быть взятым в плен своим врагом, ибелли от руки врага, чувство вины за проступок, который привел к глобальным негативным последствиям, серьезная болезнь и прочие.

В главе «Гираны» трактата «Гайпин гуанцзи» приводится история жестокого чиновника Го Ва, который злоупотреблял своим положением. Когда Го Ва припротизили расправой, он испугался и вопрог себе живот. Молва о тирание еще долгое время ходила в народе:

«В то время только построили мост Лоцюо, люди считали это [сооружение] удобным. В тот день спрашивали людей: «А еще что хорошего произошло?» Чиновник изжэнь по имени Чжан Юань был остроословом и сказал: «Ряды, что мост Лоцюо построен, счастливым, что Го Ва умер» [1. — цзюань 268, кубао, глава 2].

В главе «Предсказания и претзнаменованья» рассказывается о том, как какой-то простоллодин Шэншань Сы случайно убил мальчика карпа. Это случилось дурным знаком в традиционном Китае. В результате «во время левиза правления Цзиньюнь, князь Цюо из Цзюньчжоу прибыл в столицу и поднял мятеж, потерпел поражение, бросился в реку Лоцюань и умер». Из этого короткого эпизода, несмотря на то, что в нем самоубийство и другие ненастья связаны с верой в плохие приметы, можно также выделить мотив, свойственный именно мужскому суициду: князь Цюо не оправдал надежд мятежников, и не желая дальше жить в позоре решил утопиться.

В сборнике «Тайпин гуанци» встречаются примеры самоубийств, которые сопровождаются разнообразными сверхъестественными явлениями, которые не поддаются объяснению. Одним из них является рассказ о монахе А Ту.

А Ту не знал откуда он родом, бродил по улицам Бинчжоу среди простого народа, любой лжи он находил доказательства. Однажды в стране началась война, и город прихотилось держать под контролем. Никому не разрешалось выходить за его пределы, но А Ту не послушался и стал специально ходить мимо ворот, а стражи не могли его поймать.

«Вскоре пришел некто из Бэйчжоу и сказал: «Учитель 8 числа 4 месяца в районе Яньмэня убил себя под стенами города. Все должны прийти с благоволениями и цветами и преподнести ему, его законяют за границами города». Люди Бинчжоу посмеялись над его словами и сказали: «Учитель 8 числа 4 месяца по мосту Фэнцуну переходил, через восточные ворота вышел, на одной ноге был ботинок, вторая нога босая, но неизвестно зашел ли он в селение. Люди все его видели. Как же ты говоришь, что он умер в Яньмэне?»

Человек из Бэйчжоу решил проверить, правда ли то, что он умер. Осмотрел его могилу, а в ней не оказалось трупа, был только ботинок. Цинский правитель Шэнью решил казнить А Ту.

«Когда его приговорили к казни, со всего Бэйчжоу собрались люди, пришли к монастырю посмотреть на него. А Ту улыбнулся и ничего не сказал. На 6–7 день после казни, пришел некто из Хэси и сказал: «Мне на пути встретился А Ту, внешне такой же как раньше, но на спине он нес веревку, повязана была вокруг его головы. Ничего мне не ответил, стремительно шел на запад» [1. цзюань 91, исэн, глава 5].

При прочтении вышеописанных сюжетов становится очевидно, что отношение китайцев к такой простой теме не является радикально негативным, а сами самоубийства и не преподносятся в исключительно плохом ключе в китайской литературе.

Литература

Тайпин гуанци (Обширные записи годов Тайпин) 太平广记 // <http://text.org/tairping-guangjizh>, 27.05.2015.

Mikina Eugenia (SPBSU, Russia)

Nuang Jingren: Life in Beijing

Nuang Jingren (1749–1783) is one of the most eminent poets of Qing Dynasty. His poetry full of feelings, simplicity and naturalness, but it also

shows his knowledge and hard work. His life can be divided into three big periods: childhood and youth, period of traveling and struggle, and the last period spent in the North, in Beijing. That was time full of emotional experience, diseases, frustration and failures. But it was also a period when Niang wrote his most passionate, full of feelings and saddest poems in his life. So, this article is about his life during his living in Beijing.

Key words: Qing dynasty, poetry, Chinese literature, Nuang Jingren, Hong Liangji.

Миткина Е. И. (СПбГУ, Россия)

Пекинский период в жизни цинского поэта Хуан Цзинжэнь

Ключевые слова: китайская литература, поэзия, династия Цин,

Хуан Цзинжэнь, Хун Лянцзи

Хуан Цзинжэнь (1749–1783) — один из самых выдающихся представителей традиционной китайской поэзии эпохи Цин. Его творчество стоит особняком среди многочисленных школ и направлений, получивших распространение в XVIII веке. Поэзия Хуан Цзинжэня была наполнена, с одной стороны, живым чувством, простотой и естественностью, а с другой стороны в ней заметны упорный труд и широкая эрудиция поэта. Жизненный путь поэта, полный невзгод, оказал существенное влияние на формирование его мировоззрения и общую эмоциональную составляющую большинства произведений.

Условно его жизненный путь можно разделить на три больших периода — детство и юность, период странствий и исканий, а также последний период жизни на севере, в столице, наполненный переживаниями, болезнями и неудачами. Именно в этот период им были написаны самые лучшие, но и самые печальные в его жизни стихи. Предметом рассмотрения данной статьи стал именно этот период в жизни поэта.

В 1775 г. Хуан решил переехать на север. Хун Лянцзи (1746–1809), его друг детства, считал, что причиной тому стала его неудовлетворенность в собственных карьерных достижениях, что в столице, как считал не только Хуан, было больше возможностей, чтобы занять хорошую должность или даже, чтобы быть замеченным императором.

Лишь накануне Нового Года Хуан добрался, наконец, до столицы. В это время в столице находился Чжу Юнь (1729–1781) — его бывший наставник, под началом которого он когда-то работал. Хуан встретился с ним за пять дней до наступления нового года, они обменялись стихами, и радость от встречи напомнила им о больших днях.

<i>Konizanova Teodora (Sofia University, Bulgaria)</i> . Archetypes of Transcendence in Early Daoist Thought	
<i>Кучарова Т. (Софийский университет, Болгария)</i> . Архетипы трансцендентного в ранней даосской философии	435
<i>Kravtsova Marina (SPbSU, Russia)</i> . Poetic Inspiration Concepts in the Chinese Literary Thought of III–IV AD	
<i>Кравцова М. Е. (СПбГУ, Россия)</i> . Концепции поэтического вдохновения в литературно-теоретической мысли Китая III–IV вв.	443
<i>Maizakku Dmitri (SPbSU, Russia)</i> . Few Words about Popularity of Gao Zecheng's "Pipa Ji" in Traditional Chinese Musical Theater during the XIV–XX Centuries	
<i>Маизкий Д. И. (СПбГУ, Россия)</i> . К вопросу о распространении сюжета прессы «Пипа цзи» Гао Цзэчэна в традиционном музыкальном театре Китая в XIV–XX вв.	450
<i>Mironova Tatiana (SPbSU, Russia)</i> . The Theme of Suicide in the Collection of Stories "Tairing Guangji"	
<i>Миронова Т. С. (СПбГУ, Россия)</i> . Тема самоубийства в сборнике рассказов «Тайпин гуанцзи»	456
<i>Mikina Evgenia (SPbSU, Russia)</i> . Huang Jingren: Life in Beijing	
<i>Миткина Е. И. (СПбГУ, Россия)</i> . Пекинский период в жизни цинского поэта Хуан Цзинжэня	464
<i>Rang Tatiana (IOM RAS, Russia)</i> . The Qianlong Emperor Poems to the Portraits of Meritious Officers in the Hermitage Museum	
<i>Ранг Т. А. (ИВР РАН, Россия)</i> . Стихи Цяньлуна на портретах выдающихся генералов из коллекции Эрмитажа	473
<i>Rehelin Nikolai (The State Hermitage, Russia)</i> . Jade around the Urtpe Печени Н. Г. (Государственный Эрмитаж, Россия). Добродетель в окружении нефрита	482
<i>Seмененко Ivan (IADAS, MSU, Russia)</i> . "Reading Rules" of Zhu Xi: in Dialogue with the Sages	
<i>Семенов И. И. (ИСАД МГУ, Россия)</i> . «Правила чтения» Чжу Си: в диалоге с мудрецами	486
<i>Somkina Nadezhda (SPbSU, Russia)</i> . Animal Symbolism and the Forming of Traditional Chinese Cultural Symbols by the Example of Idioms-chengyu	
<i>Сомкина Н. А. (СПбГУ, Россия)</i> . Зооморфная символика Китая и механизмы образования китайских традиционных культурных символов во фразеологизмах чэнъюй	495
<i>Storozhuk Alexander (SPbSU, Russia)</i> . Liao Zhai's Short Story "Wu-tong": Origin and Development of Literary Character	
<i>Сторожук А. Г. (СПбГУ, Россия)</i> . Новелла Ляо Чжай «У-тун»: истоки становления образа	508

<i>Anthony Tereshkov (IOM RAS, Russia)</i> . Message in a Fish: The Origin of the Metaphor	
<i>Терехов А. Э. (ИВР РАН, Россия)</i> . Послание в рыбе: история одной метафоры	521
<i>Yesterova Varvara (University of Vienna, Austria)</i> . Some Aspects of Wen Yiduo's Studies of the Book of Poetry	
<i>Вестерова В. (Венский университет, Австрия)</i> . Некоторые аспекты исследования «Ши-цзиня» Вэнь Идо	529
<i>Youyishkek Elena (NSU, Russia)</i> . "Incense Burnt" Ritual in the Classical Chinese Literature	
<i>Юйишикек Е. Э. (НГУ, Россия)</i> . Ритуал «захоронения аромата» в классической китайской литературе	537
<i>Zakharova Natalia (Institute of World Literature RAS, Russia)</i> . Joutpalism and "New Literary Style" in China in the XIX — Early XX Centuries	
<i>Захарова Н. В. (ИМЛИ РАН, Россия)</i> . Юбленистика и «новый литературный стиль» в Китае в XIX — начале XX вв.	546